

★ Светлана Богданова

МОСКВА МИСТИЧЕСКАЯ

ВСТРЕЧА
С ВОЛШЕБНИКОМ

Книга первая

Светлана Юрьевна Богданова

Москва мистическая. Встреча с волшебником. Книга первая

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67685058

Москва мистическая. Встреча с волшебником. Книга первая: Амрита-

Русь; Москва; 2022

ISBN 978-5-413-02444-7

Аннотация

Как часто мы надеемся на встречу с великим магом, с гуру, который раскроет перед нами тайны Вселенной, который научит жить в этом непредсказуемом и интересном мире! Такие встречи происходили, но лишь немногие отваживались рассказать о них. Карлос Кастанеда, Владимир Серкин, И.Чжу встречали таких гуру и сами становились магами.

Писательнице и культурологу Светлане Богдановой тоже посчастливилось встретить подобного мага, однако познакомилась она с ним не в пустыне и не в тундре, а в Москве. Это городской волшебник, приверженец западной мистики, живущий в городе уже не одну сотню лет и знающий все его тайны. Он выбрал Светлану себе в ученицы, однако неожиданно оказалось, что она не готова принять концепцию мира своего учителя.

Вы держите в руках первую книгу из серии “В поисках мистического”, которую Светлана написала по своим дневникам. Из книги вы узнаете, как можно почувствовать город, что нужно сделать, чтобы жизнь в городе стала для вас безопасной и осознанной, познакомитесь с духами и демонами, обитающими в городе. Кроме того, вместе со Светланой вы побываете на необыкновенном балу бессмертных и ощутите всю прелесть московской мистики.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Встреча	10
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Светлана Юрьевна
Богданова**

Москва мистическая.

Встреча с волшебником.

Книга первая

© Богданова С., 2021

© Оформление. Амрита-Русь, 2022

* * *

Рустему Шарипову, моему мужу, с благодарностью и любовью. «...каждый знает, что наряду со многими выдумками существует целый мир чудесной действительности».

Николай Рерих. «Радуйся»

«Самое опасное место на планете – город. Самое опасное существо на планете – человек».

Путешественник Виталий Сундаков, интервью Александру Стриженову

Предисловие

Эта книга – проба, тест. Проработав много лет в журналистике, но считая себя именно прозаиком и поэтом, я никогда не писала ничего подобного. Это, безусловно, документальное повествование, нечто вроде мемуаров, написанных по горячим следам. Мне довелось провести год в компании самого странного человека из тех, что встречались мне в жизни. И когда мы расстались, я поняла, как важно систематизировать, уложить в связный текст все, что я узнала и услышала за этот год.

Однако материала оказалось так много, что я не отважилась его приводить в порядок весь и сразу. Я решила начать, попробовать ступить на эту новую для меня территорию документального повествования на мистическую тему и посмотреть, что из этого выйдет.

Так что в эту мою «книгу первую» вошла, наверное, пятая часть того, что было записано за этот год. Это самое начало, попытка лишь слегка приподнять таинственную завесу жизни человека в большом городе и начать взаимодействовать со всеми теми привычными, но, на самом деле, необыкновенными деталями, на которые, как выяснилось, можно смотреть иным взглядом. Взглядом наблюдателя. Взглядом собирателя. Взглядом волшебника.

Многие исследователи и дилетанты, многие коллекционеры чудесного и большие писатели отмечали, что Москва – один из самых мистических городов мира. Возможно, это вообще характерно для большинства столиц. Однако некоторые столицы далеки от мистики так же, как далеки от мистики новые города, целиком состоящие из спальных районов. Москва мистична благодаря своей истории. Москва мистична благодаря своей кольцеобразной структуре. Москва мистична благодаря своим строителям, которые были мистиками. Москва мистична, ведь те, кто ищет мистическое, наполняет ее своими смыслами. Так происходит по меньшей мере уже три столетия. И так будет происходить и дальше. Москва вечна и неисчерпаема, потому что заполнена культурными, историческими и эзотерическими сокровищами. Вы ищете места силы? Приезжайте в Москву. Место силы не может быть руинами. Место силы – это живой организм, не спящий, не впавший в кому, не превратившийся в печальные останки былого величия. Место силы дышит. И в этом смысле Москва – место силы.

В настоящей книге я намечаю некоторые опасности, которые таит в себе Москва. «Но разве место силы может таить опасность? Место силы должно заряжать!» – воскликнет читатель. А я отвечу: место силы может и должно таить опасность, ведь не всякому эта сила предназначена. Чтобы получить эту силу, нужно как минимум подходить ей по каким-то

особым параметрам, по вибрациям, по чистоте. Разве может насытить живой организм протухшая еда? Разве может насытиться человек, питаясь, как стервятник, падалью? Травоядным невозможно питаться мясом, а хищники не проживут, питаясь только фруктами. Нет. Точно так же и место силы может насытить лишь того, кто умеет эту силу поглотить. Впрочем, порой и за силой надо побегать. Помните, у Кастанеды? В некоторых случаях, чтобы заполучить союзника, надо его победить. То же самое касается и силы. А потому, зная техники выживания в таком мощном городе, каковым является Москва, умея читать особые знаки, будучи предупрежденным об особенностях этого города, можно получить его силу.

Человек, который стал главным действующим лицом моей книги, получил силу города, а потому обрел все, чего жаждал. Он считает, что наше знакомство с ним было predetermined, а те знания, которыми он со мной поделился, были очередным залогом его невообразимой витальности и энергии. Именно он благословил меня на написание этой книги. И именно с ним и его системой взглядов я вас познакомлю.

Однажды я долго гуляла, бродила по набережной Москвы-реки, разглядывала любимые здания и кораблики, проходившие мимо меня под мостами. Я очень люблю гулять и порой во время прогулки совершенно забываю обо всем на

свете. В тот день я забыла о такой простой вещи, как обувь. Я надела туфли на босу ногу и в какой-то момент неожиданно ощутила, что безбожно натерла себе подошвы. Оглянувшись, я поняла, что оказалась на Васильевском спуске. Народу было мало. Я присела на бордюр, сняла туфли и... поставила ноги на булыжники мостовой. Это было невероятное ощущение – холода, но жизни, твердыни, но округлости. Булыжники приняли меня и лечили. Минут пять я сидела так, поставив голые ноги на мостовую, прежде чем обуться. И мостовая казалась мне спиной гигантской рыбы из восточных сказок, на которой незадачливые аборигены построили город.

С этим чувством я начинаю свой рассказ. Я стою на спине гигантской рыбы, мои подошвы касаются ее живой и пугающей плоти. И я жду, что эта рыба вот-вот проснется. Я люблю ее. И надеюсь, что она полюбит меня.

*Светлана Богданова, сентябрь 2018 года – март 2020 года
Москва*

Глава первая. Встреча

Я неслась по плиткам на самокате. Несмотря на то, что плитки были мелкие, и самокат подпрыгивал каждую секунду, я уже не замечала этой тряски. Я видела перед собой только пешеходный переход, после которого начинался ровный асфальт. Промчавшись по переходу, я свернула в переулок, пронеслась еще несколько десятков метров, не обращая внимания на прерывистый тротуар и бордюры, и остановилась.

На той стороне улицы находился магазин, в который мне давно уже хотелось заглянуть. В этой лавочке продавали настоящий деревенский хлеб, какие-то экологичные крестьянские поделки и ароматное мыло, сваренное в частном хозяйстве. Я много слышала о владельце лавочки, и поэтому мне было любопытно посмотреть, как устроен его бизнес здесь, в Москве, куда он возит свою продукцию на продажу.

Пешеходного перехода тут не было. Но сама улица была очень спокойная. И хотя я каталась вокруг своего квартала, находившегося в пределах Садового кольца, рядом с одной из самых оживленных станций метро, здесь действительно было тихо. Изредка мимо проходил кто-то из местных жителей, спешивших в маленький супермаркет за едой к ужину. А машины сюда заворачивали вообще крайне редко.

Я оттолкнулась от бордюра и мягко двинулась к лавочке

напротив, пересекая проезжую часть. И тут краем глаза увидела огромный фургон, который как раз в то же мгновение завернул с Садового сюда и плавно двигался мне наперерез. Белый, высокий, внушительный, он, скорее, напоминал корабль, чем машину.

Внезапно что-то сбилось во мне с ритма, я споткнулась, сама не знаю, как. То ли зацепилась за самокат своими длинными джинсами-клешами, которые я обожала за их хипповский вид, то ли под колесо мне попал камешек, которого я не заметила... Мир щелкнул, будто в его механизме внезапно проявился какой-то давно скрытый изъян, и я, перевернувшись вместе с самокатом, оказалась лежащей на проезжей части. В глазах потемнело, и я заметила лишь то, что мимо, все так же спокойно и плавно, проплыл белоснежный фургон, бесшумно объехав меня, и даже не просигналил. Мне показалось, что я заметила спокойное бледное лицо водителя за лобовым стеклом, хотя толком я его не рассмотрела, он был слишком высоко надо мной.

В следующее мгновение я вскочила и тут же застонала. Боль в колене была просто невыносимой, она пронизывала все тело, проходя через бедро, через низ живота и попадая мне сразу же в желудок, создавая в нем беспокойство, скачиваясь в нем колючим шариком, пытаясь вырваться наружу – тошнотой.

Волоча за собой раненую ногу и невероятно тяжелый теперь самокат, я причалила к тротуару, с которого еще

несколько секунд назад так браво вылетела под колеса фургона. И тут же поняла, что мне страшно жарко, что руки у меня ледяные, и что глаза отказываются видеть окружающий мир. Темный туман битыми пикселями, безликими провалами дробил улицу, заволакивал дома, машины и редких прохожих какой-то непроницаемой мантией. Я теряла сознание.

Чтобы не распластаться тут же, на асфальте, не дойдя до дома, я, опираясь на самокат, медленно присела на корточки. Колено ужасно болело, тошнота не проходила, но зрение ко мне постепенно возвращалось. Я сидела, скрючившись, и чувствовала странную дрожь в руках. «Пора вставать», – решила я. Встала – и вот, опять, все почернело, а звуки улицы стали словно бы острыми стеклянными осколками, шуршащими где-то возле моих ушных раковин.

Я снова присела, преодолевая боль в разбитой коленке. Надо отдышаться. Не могу, не могу. Так больно! Мимо меня по тротуару прошел какой-то молодой человек. Я спрятала лицо, отвернулась. Не выношу быть слабой перед незнакомцами. И снова все стихло. Я опять сделала попытку встать, и новая волна дурноты заставила меня присесть.

Я сидела, опустив голову и прикрыв глаза. Боль стихала, но я знала, что это от того, что я не двигаюсь. Стоит мне попробовать сделать хоть шаг, и она снова вернется. Я чувствовала, что лицо у меня холодное и бледное. Хорошо, что меня сейчас никто не видит, особенно, никто из близких или друзей. А то они бы, наверное, испугались.

«Вам плохо?» – спросил кто-то прямо над моей головой. Это был мягкий баритон, чувствовалось, что говорит человек очень добрый и умный.

«Да», – тихо сказала я.

«Хотите, я вызову скорую?» – так же мягко спросил незнакомец.

Я не хотела ни поворачиваться к нему, ни открывать глаза. Поэтому просто отрицательно покачала головой.

«Я здесь живу, – он явно не желал оставить меня в покое. – Могу вынести вам стульчик, чтобы вы посидели у подъезда».

«Нет-нет, спасибо, – собравшись с силами, ответила я. – Я просто упала. Сейчас все пройдет».

«Ну, как хотите», – наконец, сдался баритон.

И я услышала тихие медленные шаги: незнакомец уходил. Странно, я не заметила, как он подошел, как раньше, вероятно, вышел из подъезда, как закрылась за ним дверь. Но как он уходил – это я слышала отчетливо.

Я решила встать. Почувствовала, что надо. Медленно поднялась и, опираясь на руль самоката, сделала шаг. В этот момент я поняла, что мир вокруг похож на огромную завитушку, на панцирь доисторической улитки, и все мои чувства – теперь уже не только зрение, но и слух, и обоняние, и осязание, и даже какая-то тень вкуса, – понеслись по этому панцирю куда-то то ли вглубь, то ли вовне, разгоняясь на каждом завитке, оставляя меня бездыханной на пустынной ули-

це. Последнее, что я поняла, это то, что падение мое было очень мягким, и что я падала как будто бы на какую-то плюшевую кушетку, а голова при этом не ударилась об асфальт, но тихо легла то ли на подушку, то ли на валик, то ли на ворох одежды в душном, теплом шкафу.

Очнувшись, я некоторое время лежала с закрытыми глазами, ощущая теплое сладкое оцепенение, как после долгого сна в уютной постели. Я не очень понимала, где я, но обычно мне нравилось это чувство, и я его не прогоняла. Наконец, я глубоко вздохнула и потянулась. И тут же страшная боль в колене заставила меня вскрикнуть и открыть глаза. Я лежала в совершенно незнакомой комнате. Вокруг все было приглушенным, каким-то бордовым и бархатным, диван, на котором я лежала, оказался очень мягким, меня накрывал пушистый плед с бахромой, окно затеняла тяжелая вишневая занавеска с темно-золотистыми ламбрекенами и кистями. На небольшом письменном столе, обтянутом зеленым сукном, стояла зеленая же лампа с бронзовой ножкой – из тех, что особенно ценятся любителями советского антиквариата, – настоящая, «кремлевская». Возле стола находилось кресло, обитое дерматином.

Стены здесь были покрыты линкрустом, впрочем, едва видимым из-под темных картин, висевших в тяжелых золоченых рамах. Вход в комнату был завешен старой бархатной портьерой – такого же точно оттенка, что и обивка дивана,

на котором я лежала.

Я вспомнила падение, белый фургон, а затем – разговор с обладателем мягкого баритона, который обеспокоенно спрашивал меня о моем самочувствии и предлагал мне вызвать скорую или вынести стул.

«Интересно, какой стул он мне мог бы вынести? Неужели это кресло?» – неожиданно подумала я. Я сразу поняла, что именно тот самый незнакомец меня подхватил и перенес в эту квартиру, ведь, кажется, на улице никого больше не было.

Что ж, решила я, спасибо этому дому, пойдем к другому. Я села на диване. Вроде бы, все шло нормально, коленка ныла, но это было терпимо. Отбросила плед. Спустила на пол ноги. И встала. И тут же упала, снова ощутив дикую боль.

Кажется, падая, я задела кресло, оно поехало и стукнулось о стол. И «кремлевская» лампа почему-то тут же погасла.

В темноте я медленно ухватила руками за мягкий диван и путем невероятных усилий забралась на него, снова укутавшись мягким пледом. Меня почему-то трясло. зуб на зуб не попадал. А в желудке проснулись знакомые спазмы: боль опять пыталась вырваться наружу через тошноту и головокружение.

Неужели я сломала коленку?

Я заматывалась в плед все яростней, пока не стала похожей на туго спеленутую куколку, лежащую в позе эмбриона. Колено нещадно ныло, но я решила, что было бы хорошо, ес-

ли бы ссадина (а она явно была) подсохла, пока нога согнута.

Надо признаться, мне было не по себе. Я была совершенно одна в темной чужой комнате, да еще и заперта на диване. К тому же, я с детства боюсь темноты и знаю: только дай волю своему воображению – и все. И можно будет сойти с ума. Поэтому я закрыла глаза и стала думать о чем-то, совершенно не имеющем отношения к ситуации, в которую я попала.

Помнится, размышляла я о новой сказке, которую писала. Главная героиня сказки – девочка, из обычного московского двора неожиданно попавшая в некую Страну Холмов. Мне нравилось представлять себе этот сказочный мир, он меня увлекал и завораживал. Я бы и сама хотела жить в такой стране и в таком доме. В уютном доме на холме.

Последнее время я часто мечтала о переезде из города на землю, много изучала на эту тему статей и роликов, прикидывала, во сколько мне обойдется этот переезд и стоит ли продавать квартиру, чтобы построить дом. Я знала, что основная волна дауншифтинга схлынула, те, кто первыми устал от мегаполиса, уже давно уехали и живут в своем хозяйстве, стараясь минимально зависеть от экономических взлохотв.

И вот, как это часто бывало у меня, я тоже, вроде бы, созрела. С опозданием в десяток лет. Поразмыслив как следует, я почти уже решилась.

«Не темно?» – раздался знакомый мне баритон прямо ря-

дом со мной, и тут же комнату осветила зеленая «кремлевская» лампа. Передо мной стоял крупный мужчина с очень бледным лицом и темными глазами. Он был одет в шелковый шлафрок («совсем как у Бродского», мелькнуло у меня в голове), из-под которого виднелись бархатные брюки и расшитые золотом домашние тапочки. На голове его красовалась тубетейка – из тех, которые лет сто пятьдесят назад носили зажиточные курильщики, чтобы предохранить свои волосы от дыма. Незнакомец явно умел подкрадываться абсолютно бесшумно.

«Было темно», – сказала я, по-прежнему стуча зубами от озноба.

«Вам холодно?» – спросил он и склонился надо мной.

Я почувствовала, что от него исходит запах какой-то пряности. Кажется, гвоздики... И корицы...

«Оч-чень», – кивнула я.

«Марта! – внезапно крикнул он, поворачиваясь к тяжелой портъере, которой был занавешен вход в комнату. – Одежда!»

В ту же секунду портьера зашуршала, и в комнате появилась девчонка лет двенадцати-пятнадцати. На ней было темное платье и белый передник, и это тут же напомнило мне школьную форму из далеких восьмидесятых. Соломенные волосы были убраны назад и заплетены в тяжелую плотную косу. Давно я не видела девочек с такими косами!

Марта несла, прижимая к груди, стопку стеганых атласных одеял, она их ловко расправила и укрыла меня. Я по-

чувствовала сквозь плед холод еще не согревшегося атласа и затряслась с новой силой.

«Грелку!» – скомандовал незнакомец.

Марта кивнула, нырнула за портьеру и с удивительной скоростью вынырнула снова, держа в руках горячую грелку. Как ей удалось так быстро выполнить его приказ, я не поняла. Или, возможно, у меня в этот момент было какое-то другое, искаженное чувство времени...

«С-спасибо», – выдавила из себя я, когда рядом с моим животом оказалась пышущая жаром булькающая грелка.

«Спасибо, – повторил мужчина, кивнув Марте, и та снова исчезла за портьерой. – Вам легче?» – медленно проговорил он своим глубоким баритоном.

«Кажется», – кивнула я, прилипнув всем телом к горячей грелке.

«Должно сейчас стать легче, – заверил меня незнакомец, подвинул к дивану кресло и сел, сложив руки. – Вам повезло. Несмотря на все то, что вам мешает, вы обладаете интуитивным навыком выживания в городе».

Я смотрела на него во все глаза. Вдруг у меня в голове, несмотря на тихо накатывавшее на меня состояние тепла и расслабленности, появилось так много вопросов, что я не знала, с какого именно начать.

«Если бы у вас не было этого навыка, – продолжил он, – вы были бы сейчас не здесь. А у Склифосовского, на операционном столе. И ваше мнение никого бы там не интересовало».

вало».

Меня передернуло. Я ненавижу больницы, тут он попал в точку.

«Или еще того хуже. Могли бы так и проваливаться в сумерках на тротуаре, да еще бы вас обчистили. А может быть, и съели», – добавил он.

Я улыбнулась. Это мой родной город. И я отлично его знаю. И я знаю, что здесь происходит. Последний раз меня обокрали в 2009 году, это было в метро, на эскалаторе, причем, я ехала в таком славном улыбчивом настроении после моего дня рождения, и почему-то, как сейчас вспоминается, ощущала, что меня обкрадывают, но не верила собственным ощущениям. Уж слишком прекрасно у меня было на душе. Я ехала на любимую работу, я была полна идей и надежд. И я знала, что все будет хорошо.

Я, конечно, ошибалась. И поэтому, вспоминая сейчас тот случай, я целиком и полностью беру ответственность за ту кражу на себя саму. Я была в таком состоянии, что, как мне кажется, просто источала искушение. И если даже вор не собирался сейчас никого обкрадывать, если у него были другие дела – допустим, он ехал на эскалаторе с увлекательной книжкой в руках и не мог от нее оторваться, – его рука сама заползла в мою сумочку, которая словно бы взывала к нему: «Возьми этот прекрасный кошелек, он набит деньгами и карточками, возьми его, и спокойно иди. За тобой никто не побежит. И пропажа обнаружится не сразу, а лишь когда маре-

во очарования, опьянившее эту наивную женщину, рассеется».

«Потеря кошелька – полбеды, – словно бы прочитав мои мысли, сказал незнакомец. – Вы хоть понимаете, что город в нынешнем виде – это очень опасное место? Вы знаете, что сейчас здесь пропадают тысячи людей в день, и никто толком ничего не знает о пропавших и о том, куда они деваются?»

«Это похоже на какую-то сводку... – снова улыбнулась я. – На какую-то передачу по телевизору. Что-то про происшествия... В общем, это не моя реальность, и мне это совершенно безразлично».

Я говорила медленно. Теперь, когда я согрелась и боль в колене почти утихла, мне хотелось спать.

«Вам безразлично только потому, что вы, сами того не подозревая, умеете здесь выживать, – возразил мне незнакомец. – Впрочем, я вас совершенно заболтал, а вам хочется спать. Вы поспите. А чтобы вам спалось хорошо, давайте перед сном с вами познакомимся. Вас зовут Светлана, не так ли?» Я кивнула. Он представился и добавил: «Но вы можете меня называть Немцем, я хозяин этой квартиры. И я вас поднял с тротуара, когда вы повредили колено. Марта уже позвонила вам домой, так что вас сегодня никто не ждет, все знают, что вы в больнице, в реанимации. Состояние у вас стабильное... Так что все волнуются... в меру...»

Он тихо говорил, а я проваливалась в сон, хотя что-то во мне сопротивлялось этому сну с каждым новым словом, с

каждой фразой, произнесенной незнакомцем... В реанимации?.. Но ведь это вранье... Как они узнали телефон? А-а, наверное, нашли в моем мобильнике... Но почему они соврали?.. Почему я остаюсь здесь?.. Почему мои домашние должны волноваться? Почему у меня нет возможности с ними связаться? И этот человек говорил, что у меня не было бы выбора в больнице... А здесь у меня, что ли, есть выбор?.. Выбор...

Сон сковал меня, и я совершенно не могла ему сопротивляться. Мне казалось, что я снова куда-то падаю, что снова меня кто-то подхватывает и несет, я чувствовала, что я как будто еду по длинному тусклому коридору, увешанному темными старинными портретами, что свет здесь дрожит, а тени длинные и живые, как будто бы все освещается не электричеством, а свечами. Мне кажется, меня о чем-то спрашивают, и я что-то плавно и многословно отвечаю, как будто бы рассказывая длинные истории, но не слышу собственного голоса, он лишь остается после каждого моего ответа эхом в моих мыслях, словно бы постепенно проникая в мой мозг. Я слышу скрежет, а затем странный резкий звук, точно там, за пределами моего зрения и понимания, чьи-то сильные руки рвут длинный кусок плотного брезента. Потом мне кто-то опять задает вопросы, смысл которых я не понимаю, но отвечаю на них – так же спокойно, разумно и подробно, как раньше. Наконец, я приоткрываю глаза и вижу сквозь стран-

ную плотную дымку, как к моим губам подносят неровную склянку с круглым дном, похожую на старинную колбу. Я жадно пью из нее – нечто живое, подвижное и очень свежее: какой-то ягодный сок или что-то в таком духе, красную жидкость с голубоватым опаловым отливом. И снова – мягкая теплая темнота, и снова – поблескивание пламени где-то на кончиках влажных ресниц.

Проснулась я уже утром. Сквозь вишневые занавески едва пробивался легкий солнечный свет. Стоял май, но утро было холодным, это чувствовалось по этим прозрачным, почти серебристым, лучам. «Кремлевская» лампа не горела. В комнате было тепло, хотя отопительный сезон, несмотря на погоду, давно кончился. Я приподнялась на локте и заметила рядом с диваном электрический камин, показывавший чудесные поддельные дрова, над которыми полыхали фальшивые языки пламени. Колено почти не болело. Я откинула плед и с изумлением уставилась себе на ноги. На мне был мой длинный свитер, в котором я вчера рассекала по переломкам на самокате. А вот на ногах не было ни джинсов, ни колготок. Колено было плотно забинтовано какой-то мягкой серой тканью. Я не чувствовала, чтобы меня кто-то раздевал и вообще, что-то делал с моим коленом. Я тут же вспомнила свой странный сон, но я была уверена, что это лишь сон. И что, на самом деле, со мной ничего такого не происходило.

Я аккуратно согнула ногу и разогнула. Это была уже не боль, а легкий призрак боли. Колено явно заживало. Я ре-

шила встать. Вчера это мне не удалось, и я упала, поэтому сейчас сначала оперлась на здоровую левую ногу и обе руки. И лишь затем аккуратно распрямила правую ногу и перенесла тяжесть тела и на нее.

Стоять было легко. Чувство было такое, будто я вчера слегка ушибла колено – просто, например, задев им за угол стула или журнального столика.

Я сделала шаг. Затем еще один. Я была здорова. Я оглянулась и искала свою одежду, но не нашла ее. В этот момент портьера в дверном проеме распахнулась, и в комнату вошла юная Марта – девушка, которая вчера меня кутала в одеяла и готовила мне горячую грелку.

«Доброе утро», – сказала Марта и слегка поклонилась.

Это меня удивило, я не помню, чтобы мне вообще кто-нибудь когда-нибудь кланялся.

«Доброе утро», – ответила я и невольно сама поклонилась ей в ответ.

«Я принесла вам новые колготки и джинсы, примерьте, пожалуйста», – с этими словами она протянула мне пакет.

Я достала одежду, села на диван и стала натягивать колготки.

«А что случилось с моими?» – спросила я ее.

«Ваши были разодраны и все в крови. Так что пришлось их выбросить», – Марта вздохнула.

Я натянула джинсы и удивилась, что они были ровно моего размера: самой мне редко удавалось с первого же раза

подобрать себе подходящую одежду, особенно брюки. За последние два года я сильно похудела и так до сих пор и не чувствовала объемов своего нового тела.

«Надо же, подошли!» – воскликнула я и встала.

«Я очень рада!» – искренне сказала Марта.

Я взглянула на нее. Наверное, эти люди на меня потратили уже кучу денег.

«Сколько я вам должна?» – спросила я ее.

«Простите, но я не могу этого вам сказать», – ответила она, потупившись. И добавила: «Давайте я проведу вас в столовую, там вы сможете обо всем поговорить с хозяином».

Заинтригованная, я отправилась за Мартой. Мне казалось, я участвую в какой-то театральной постановке. Отодвинув тяжелую портьеру, я оказалась в темном коридоре. По обеим сторонам здесь стояли огромные напольные бронзовые подсвечники – кажется, очень старые. В них горели свечи, освещая цветистую ткань, которой были обтянуты стены, и старинные портреты, висевшие под самым потолком. У меня появилось четкое ощущение, что вчера я здесь была. Кажется, этот коридор мне снился. Да-да, меня, похоже, несли по нему или везли... Но куда?

«Марта, а что это за коридор?» – спросила я.

«Это коридор, который связывает несколько комнат. Сейчас мы с вами идем в столовую», – спокойно ответила та.

«Марта, а почему здесь горят свечи? Что, электричество

отключили?»

«Нет, хозяин считает, что свечи наносят меньший вред картинам и тканям, нежели электричество. Поэтому он просит, чтобы в большинстве помещений горели именно свечи».

«Марта, а сколько же комнат в этой квартире?» – мне очень хотелось узнать у Марты как можно больше об этом месте и о его хозяине, пока мы идем в столовую.

«Прошу вас», – неожиданно Марта остановилась и отодвинула портьеру, которую я сразу не заметила: она словно бы сливалась со стенами.

Я прошла в приоткрывшийся проем и оказалась в большой и светлой квадратной столовой. По углам комнаты стояли старинные горки, за стеклами которых красовались антикварные тарелки. В центре располагался большой овальный стол – тоже старинный, на массивных львиных лапах. На нем лежало несколько кружевных салфеток. Немец был уже тут. Он сидел, задумчиво глядя на стоявший перед ним бокал с густой красноватой жидкостью, похожей на морс, однако с легким голубоватым отливом, таким, какой бывает у опала, у крыльев бабочки или у рыбьей чешуи. С другой стороны стола располагалось огромное блюдо с самыми разными экзотическими фруктами – манго, бананами, мангостинами, гранадиллами, драконьими фруктами и другими невиданными плодами. Все они были аккуратно разрезаны и готовы к употреблению. Рядом с блюдом был приготовлен такой же бокал с опаловым морсом, как и у Немца.

«Доброе утро, – приветствовал он меня, вставая. – Присаживайтесь», – и он показал мне на место рядом с этим роскошным фруктовым блюдом.

«Доброе утро, – сказала я. – Спасибо большое».

«Насколько я знаю, вы едите только фрукты и овощи, – заметил Немец. – Поэтому я попросил Марту приготовить вам такой экзотический завтрак. Если это все вам почему-либо не подходит, скажите, пожалуйста, и мы все исправим».

Честно говоря, я была тронута таким приемом. Кто я такая? Просто прохожая, которая неудачно упала возле его дома. Зачем все эти церемонии? Да и живу-то я всего в паре кварталов от этого места. Можно было бы меня уже выпроводить, тем более, что колено у меня зажило.

«Большое спасибо вам за заботу. И Марте тоже спасибо», – сказала я и повернулась, чтобы поблагодарить и девушку, но ее уже тут не было. Она опять куда-то вышла.

«И мне очень приятно, что вы так обо мне заботитесь. Но я уже почти совсем здорова, за что вам страшно благодарна. Вы мне обязательно скажите, сколько я вам должна, и я оплачу все ваши расходы, в том числе и на одежду».

«Позавтракайте со мной, не отказывайтесь, – мягко попросил Немец. – Поверьте, этот завтрак будет только на пользу вам и вашей коленке. А потом, если захотите, сможете пойти домой».

Его приятный тон меня тут же убедил.

«И все-таки, вы мне скажите, сколько я вам должна», –

упорно повторила я.

«Давайте сначала все же позавтракаем», – все так же мягко сказал Немец.

Я присела за стол и выжидательно посмотрела на него. Он взял бокал, отпил из него и кивнул мне, приглашая сделать то же самое. Я тоже взяла свой бокал и отпила из него. И вдруг явственно узнала вкус этого напитка. Кажется, именно его я пила в своем сне. Это вкус свежих ягод, не сладких, но с кислинкой, с легкой терпкой ноткой и запахом леса. Как только я ощутила его, в моем сознании тут же всплыли и неровная склянка с круглым дном, и сумеречный блеск свечей, который был в моем сне.

«Я уже пила это», – пробормотала я.

«Конечно, – согласился Немец. – Мы давали вам эликсир ночью, именно он помог вам заснуть после операции и так быстро восстановил ваше колено».

«Операции?! – воскликнула я. – О чем вы?»

«Пришлось сделать вам операцию, – вздохнул Немец. – Ваше колено было раздроблено, я его починил. Ведь вы ни за что не хотели ехать в больницу, помните?»

Я это, конечно, помнила. Но я и не думала, что все настолько серьезно. Иначе я бы, конечно, дала себя отвезти в «Склифосовского» – знаменитую клинику, которая находилась рядом, через Садовое кольцо. Теперь же я совершенно не понимала, что мне делать, как реагировать на то, что мне какой-то незнакомец «починил», по его словам, раздроблен-

ное колено в домашних условиях.

«Понимаю ваше замешательство, – между тем, сказал Немец. – Простите, но я должен все выложить вам начистоту. Иначе у нас не получится никакого диалога».

Я очень удивилась. Какой тут может быть диалог? Кто этот человек? Почему я здесь вообще?

Тут я обязана пояснить. В тот самый год, о событиях которого я взялась рассказать, моя семья снимала квартиру в Уланском переулке. Приложение «Яндекс. Карты» показывало, что наш дом стоит ровно в 7 минутах ходьбы от метро «Чистые пруды», «Красные ворота» и «Сухаревская» – словно бы на пересечении трех одинаковых отрезков, прорисованных от этих станций к нашему двору.

Я как раз пересекала соседний переулок – Ананьевский, который находится в пяти минутах ходьбы от Уланского, – когда упала и когда, вероятно, – встретила Немца.

Вообще говоря, мы занимаемся винтажными и антикварными украшениями. Мы – это моя младшая дочь, мой муж и я, все в разной степени, но все – одним и тем же. Это то, что нас поддерживало, однако у нас имелись и другие занятия. Как раз когда я встретила Немца, мы все подумывали о возвращении к творческой карьере: моя дочь снова принялась рисовать, мой муж – фотографировать, а я вспомнила о своем главном предназначении и спустя 16 лет вернулась к

литературе, о чем, конечно же, много писала в Фейсбуке.

Понимая, что Немец мог воспользоваться соцсетями для наведения справок обо мне и моих близких, я решила, что он по каким-то причинам заинтересован в сотрудничестве со мной (мне уже поступали предложения – вести странички в социальных сетях, писать книжки за кого-то и о ком-то...), и, в конце концов, насторожилась. Интересный способ охотиться за головами: поднимать раненых на дорогах и лечить их у себя в гостиной!

(Пока я пишу эти строки, в голове у меня всплывает мягкий баритон Немца: «Но ты ведь уже это делаешь. Ты пишешь обо мне. Разве это не то, чего ты не хотела и боялась тем самым первым утром, когда ты очнулась после операции?» Да, да. Это именно то. Я пишу о тебе, и, надеюсь, читатель достаточно заинтригован, чтобы не захлопнуть эту книгу и не выбросить ее в мусорное ведро именно здесь, на этих твоих замечаниях, всплывающих в моих мыслях! Впрочем... Вот вам смайлик на всякий случай. Смайлик, примиряющий всех нас: моего героя, моего читателя и меня саму:)).

Тем временем Немец с улыбкой наблюдал за мной, глядя мне прямо в глаза, а я действительно не знала, что ему ответить. Я помолчала еще немножко, а затем аккуратно взяла

половинку манго, разрезанную на кубики прямо на кожуре. Немец попивал свой эликсир, давая мне возможность насытиться. А я и впрямь испытывала зверский голод, и потому, следом за манго, я отведала гранадиллы, мангостин и, пораженная ярким вкусом этих тропических плодов, отважилась перейти к привычному банану. И тут меня ждало чувственное потрясение: банан обладал поразительным вкусом, кажется, с детства я не ела подобных бананов. Это был король бананов, банан – праздничный десерт, его аромат заставил меня вспомнить август на нашей старой даче, молодых родителей, бабушку и дедушку, и долгожданную липкую сладость, на которую тотчас же слетались голодные осы. Немец продолжал смотреть на меня с мягкой улыбкой.

«Нравится?» – спросил он.

«Очень. Где вы покупаете эти фрукты?» – поинтересовалась я.

«Мы их выращиваем сами», – ответил Немец.

«У вас производство?» – удивилась я.

«Нет, мы их выращиваем для себя, – и, предвосхищая мой следующий вопрос, он добавил: – В свое время, я вам обязательно покажу, как и где мы это делаем».

После этих слов мне почему-то стало приятно и спокойно. Я уже наелась, так что тихонько, по глоточку, допивала эликсир и выжидательно поглядывала на Немца.

«Что ж, я бы хотел вам кое-что предложить, — наконец, начал он. — Я обладаю некоторым опытом и некоторыми знаниями. Я бы хотел вам их передать. Конечно, вы тут же начнете спрашивать меня, почему именно вам. Я знаю, что вы очень любите учиться, но я бы никогда не осмелился назвать себя учителем. Скорее, я предложил бы вам некую совместную деятельность, которая служила бы интересам познания. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы вы имели возможность записать свои впечатления об этой нашей деятельности, — я бы даже настаивал на этом».

Я молчала. Я была полна подозрений. Нарцисс? Еще один самовлюбленный гуру, которому нужен биограф? Как он себе представляет, я брошу все свои занятия и начну проводить время с ним, записывая его гениальные идеи для того, чтобы потом написать о нем книгу? Не хочу и не буду. Я хочу продолжать заниматься своими украшениями, а параллельно писать, у меня есть замысел сказки, повести и романа, кроме того, я сочиняю стихи... В тот год я даже не всегда успевала читать и смотреть кино, а на музеи и посиделки с друзьями у меня вообще не хватало времени. А ведь это именно то, что меня подпитывало! И вот, еще какая-то странная деятельность — «в интересах познания». Этого еще не хватало!

«Что ж, я вижу, вы не доверяете мне и не очень понимаете, о чем именно идет речь, — тем временем продолжал Немец. — И, конечно, я очень вас понимаю. И в этом случае я должен

был бы вас отпустить. Но я предпочитаю испробовать старое доброе средство, которым испокон веков пользовались все ярмарочные шарлатаны...»

Я насторожилась.

«Марта! – внезапно крикнул он, и из-за портьеры тут же показалась его милая служанка. – Принеси нам, дружочек, вреюшку», – попросил он ее.

Через несколько секунд на столе уже стоял поднос со старой неровной стеклянной бутылкой и тремя стопочками – из такого же толстого зеленоватого стекла. Марта разлила в стопочки очень пенную жидкость из бутылки. Немец взял одну, Марта – другую, а мне была предложена третья. Я понюхала белую пену: крупные прозрачные пузыри быстро лопались, но казалось, что со дна стопочки поднимались новые, так что пена двигалась, но сохранялась.

«Что это?» – спросила я.

«Вреюшка, – ответил Немец. – Вам понравится, это очень свежий и яркий напиток из трав и ягод, старинный русский рецепт».

«Он бродит? – я уже несколько лет не пила алкоголя и не собиралась начинать. – Он газированный?» Газированных напитков я тоже не выносила.

«Нет, он сделан из свежих ингредиентов, не бродит, и в нем нет никакого газа, а пену дает определенное сочетание растений», – пояснил Немец.

«Интересно. А что за название?» – снова спросила я.

«Знаете старый русский глагол „вредить“, „вредить“? Означает, „ввергать“. Вреюшка ввергает, – сказал Немец и тут же спохватился: – Нет-нет, никаких наркотиков. Это просто приятный фокус, вам понравится».

Он говорил таким искренним и добрым голосом и так дружески смотрел на меня, что я решила все-таки попробовать эту его вреюшку. Он это понял и, приподняв свою стопку, произнес: «За волшебство!»

Тост мне страшно понравился, и я повторила: «За волшебство!» «За волшебство!» – согласно кивнула Марта, и мы все одновременно пригубили свои стопки. Вреюшка была почти безвкусной, но с какой-то тенью травянистой кислинки, словно кто-то разбавил в воде каплю щавелевого сока. Пилась легко, и я, в конце концов, выпила свою стопку до дна. Не могу сказать, что вреюшка на меня как-то подействовала. Я, конечно, ждала, когда же она «ввергнет» меня. Возможно, из-за этого пристального ожидания я вдруг вспомнила ощущение, которое с детства культивировала в себе в новогоднюю ночь. Вот, прямо сейчас, один год уходит, а другой приходит, это некий временной стык, и пока звучат по телевизору куранты, я обвожу комнату новым взглядом, вижу все предметы особенно отчетливо и по-новому, наслаждаясь ощущением новизны и другого времени, которое началось только что, прямо тут.

Я оглядела стол, блюдо с фруктами, бокалы из-под эликсира, зеленоватую бутылку с вреюшкой, посмотрела на стоп-

ку, на свою руку, на Марту и ее хозяина. Ничего, никаких изменений. А каких изменений я ожидала? Но и в теле не было никакой реакции на вреюшку – никакого бурления, жжения или, напротив, эмоциональной приподнятости. Единственное, что я вдруг заметила, – это легкое изменение освещения, должно быть, оно произошло за окном – как будто по небу пролетело большое плотное облако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.